

АДМИРАЛ П.И. РИКОРД И ЕГО ЭПОПЕЯ В ГРЕЦИИ (1828–1833 годы)

Эпоха борьбы Греции за освобождение и независимость неразрывно связана с именами некоторых видных российских адмиралов. Один из них, Петр Иванович Рикорд, внес существенный вклад в успешное завершение греческой национально-освободительной войны. Он принимал активное участие в политической жизни Греции, был связан дружескими узами с ее первым президентом Иоанном Каподистрией. Но в отличие от его предшественников – Г.А. Спиридова, Ф.Ф. Ушакова, Д.Н. Сенявина – военная и политическая деятельность П.И. Рикорда в Греции почти не получила освещения в историографии¹. Ликвидировать этот пробел (в определенной мере) призвана данная статья, основанная как на недавно опубликованных документах², так и на материалах, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) и в Российском государственном архиве военно-морского флота (РГА ВМФ).

Предки будущего российского адмирала были родом из Ниццы. Отец его, Жан Батист (в России его стали звать Иваном Игнатъевичем), поступил на российскую военную службу в 1772 г. и дослужился до майора. Своих детей, если поблизости не было католического священника, Рикорд крестил по православному обряду, поэтому его старший сын Петр, родившийся 29 января (9 февраля) 1776 г. в Торопце Псковской губернии, был православным³. В 1786 г. по просьбе отца он был определен в Морской кадетский корпус в Кронштадте. В 1794 г. его произвели в мичманы, первый офицерский чин. Рикорду повезло – он получил большую морскую практику, участвовал в ряде кампаний, плавал и в северных, и в южных морях. Любознательный юноша, он старался расширить свои познания в морском деле, поэтому не упускал случая для совершенствования в своей профессии. Судьба улыбнулась ему: в 1795–1800 гг. его направили служить на российскую эскадру, посланную среди прочих на помощь Англии в ее войне с Францией.

Эскадра простояла у берегов Англии почти без дела четыре года, и командование разрешило молодому офицеру вместе с несколькими товарищами, как пишет его биограф, жить в Лондоне, что дало ему возможность совершенствоваться в науках, относящихся главным образом к морскому делу⁴. После завершения операции Рикорд в числе других был командирован в качестве волонтера на английский флот. Под флагом “вла-

Ари Григорий Львович – доктор исторических наук, почетный доктор Афинского университета, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Исследование осуществлено при поддержке гранта РГНФ № 10-01-00630а/г.

¹ Единственным известным нам исключением является книга: *Палеолог Г., Сивинис М.* Исторический очерк народной войны за независимость Греции и восстановления королевства при вмешательстве великих держав России, Англии и Франции, т. I-II. СПб., 1867. Авторы использовали архив П.И. Рикорда, предоставленный в их распоряжение вдовой адмирала Л.И. Рикорд.

² См.: *Внешняя политика России XIX и начала XX века*, т. 15, 16, 17. М., 1992, 1995, 2005.

³ *Общий морской список*, ч. 4. СПб., 1890, с. 666–667.

⁴ *Греч Н.* Биография адмирала Петра Ивановича Рикорда. – *Морской сборник*, т. XIX, № 11. СПб., 1855, с. 3.

дычицы морей” он плывал свыше двух лет, с 1803 по 1805 г., благодаря чему приобрел бесценные практические навыки в морском деле.

Вскоре после возвращения в Россию лейтенант Рикорд отправился в кругосветное путешествие, продолжавшееся пять лет (с 1807 по 1812 г.). Экспедиция эта на шлюпе “Диана” под командованием известного мореплавателя В.М. Головнина имела целью географическое описание северной части Тихого океана, прежде всего Курильских островов. Во время экспедиции, в 1811 г., Головнина захватили в плен японцы. Он был освобожден лишь через два года, во многом благодаря усилиям Рикорда, совершившего для этого три экспедиции к берегам Японии.

В предпринятой по освобождению Головнина проявились выдающиеся способности морского офицера устанавливать официальные и дружеские контакты с самыми разными людьми. Он сумел приобрести преданных друзей даже среди японцев, овладев японским языком. Рикорд был одним из первых русских, побывавших в Стране восходящего солнца, закрытой тогда для иностранцев. В 1816 г. он издал записки о своем путешествии, и они были переведены на основные европейские языки.

На восточной окраине России Рикорд приобрел и опыт административной деятельности: в 1817 г., уже в чине капитана первого ранга, он был назначен начальником Камчатки и занимал эту должность пять лет. Но самая сложная и ответственная часть его карьеры – участие в освобождении Греции и в очень непростой политической жизни послереволюционной страны – была еще впереди.

В 1821 г. греческий народ поднялся на борьбу за свержение тяжкого османского ига. Ведущие европейские державы того времени – Англия, Россия и Франция, – отнесшиеся первоначально к Греческой революции отрицательно, в 1827 г. заключили в Лондоне договор, по которому признавалась автономия Греции и предусматривались принудительные меры для ее достижения. Результатом договора стала Наваринская битва 8(20) октября 1827 г., в которой соединенная эскадра трех держав пустила на дно турецко-египетский флот. Достойный вклад в эту победу внесла русская эскадра под командованием вице-адмирала Л.П. Гейдена.

После Наварина Россия, единственная из участников тройственного союза, объявила в апреле 1828 г. войну Османской империи. Основные военные операции развернулись на сухопутном театре, в Дунайских княжествах и Болгарии. В Петербурге считали, что и российская эскадра в Средиземном море тоже должна быть задействована в боевых действиях против турок. Она совместно с Черноморским флотом могла бы обеспечить полную блокаду Константинополя и тем самым принудить Порту к миру. Исходя из этих соображений, из Кронштадта на подкрепление Гейдена в июне 1828 г. вышла эскадра П.И. Рикорда, произведенному к этому времени в чин контр-адмирала. В депеше вице-канцлера К.В. Нессельроде Л.П. Гейдену от 14(26) августа 1828 г. указывалось, что по прибытии отряда Рикорда на Мальту, российская эскадра прибыла туда в октябре, ему надлежит выделить группу кораблей для блокады Дарданелл, достаточно сильную для борьбы с османским флотом⁵.

Решение правительства Николая I о блокаде Дарданелл было объявлено российским представителем 18(30) сентября 1828 г. на конференции трех держав в Лондоне, занимавшейся урегулированием греческого вопроса. Сообщение это вызвало раздражение сент-джемского кабинета, расценившего действия России как нарушение свободы торговли и удар по британской торговле в Средиземном море. Реакция Лондона в отношении предполагаемой российской блокады Дарданелл была столь враждебной, что в российском МИД рассматривалась возможность возникновения войны между Россией и Великобританией⁶. Для уменьшения напряженности в англо-российских отношениях Николай I должен был смягчить условия блокады. Гейден, получив указания Нессельроде, выделил для блокады Дарданелл отряд из четырех кораблей: 84-пушечного линейного корабля “Фершампенуаз”, 64-пушечного линейного корабля “Эмануил”

⁵ Внешняя политика России..., т. XV, с. 721.

⁶ Там же, с. 18–19.

и 44-пушечных фрегатов “Мария” и “Ольга”. В инструкции, которую Гейден дал командующему отрядом Рикорду, говорилось, что он должен “блокировать Дарданеллы и Константинополь, дабы воспрепятствовать провозу провианта в сию столицу”. В дальнейшем было разъяснено, что понятие “провиант” включает лишь предметы первой необходимости, такие как пшеница, мука, сухари, рис. В инструкции был и специальный пункт о необходимости препятствовать отправке Портой подкреплений и материалов для ее войск, которые вели войну в Греции: “Пропускать свободно из Дарданелл все суда, не имеющие войск и военных снарядов против греков, в противном случае велеть идти обратно и силу отражать силою”⁷.

11(23) октября 1828 г. небольшая эскадра Рикорда покинула Мальту и направилась в Архипелаг. 2(14) ноября она подошла к острову Тенедос (Бозджаада) и расположилась на якоре между островом и берегом Анатолии. Этим путем, как правило, следовали все суда, направлявшиеся в Константинополь. В истории русского флота это была не первая попытка блокировать Константинополь со стороны Средиземного моря. Так, во времена Архипелагской экспедиции 1769–1774 гг. эскадра контр-адмирала А.В. Елманова пять месяцев (март–июль 1772 г.) крейсировала у Дарданелл, заперев проход к столице Османской империи. В 1807 г., через 35 лет, другой российский адмирал Д.Н. Сенявин в течение нескольких месяцев блокировал Дарданеллы. Тогда Тенедос был взят штурмом русскими моряками.

В 1828 г. ситуация для операций русского флота у входа в Дарданеллы была иной, но достаточно сложной. Для их проведения Рикорд располагал ограниченными силами: 15(27) декабря 1828 г. он отправил линейный корабль “Фершампенуаз” обратно к Гейдену и остался для зимней блокады Дарданелл только с тремя кораблями. Эта небольшая эскадра должна была полностью контролировать и в определенной степени перекрыть то огромное движение судов к османской столице и из нее, которое не прекращалось во время русско-турецкой войны.

В статье, опубликованной в 1855 г. в “Морском сборнике”, так говорится об условиях, в которых вели русские моряки эту блокаду, составляющую славную и малоизвестную страницу в истории русского флота: “Погода была ненастная, бурная и холодная. Большою частью дул крепкий северо-восточный ветер; суда наши часто бросали два якоря, но при бурных порывах ветра и сильном волнении нередко рвались у них канаты; часто случались также снежные метели, дожди, морозы до двух градусов (Реомюра) днем и до пяти ночью. Но и в такое время не прекращались опросы судов и ночные объезды на шлюпках, при постоянной быстроте течения моря в этом месте, от трех до пяти верст в час, с северо-востока. Суда наши всегда были в состоянии встретить неприятеля и отразить брандеры, которые, как носился слух, готовились в Дарданеллах. Все это показывает, какие труды понесены русскими моряками в продолжение этой достопамятной экспедиции. Славный английский адмирал Коллингвуд⁸ признавал за невозможное блокаду Дарданелл в зимнее время, но неустрашимый и предприимчивый Рикорд доказал на деле противное... Русские крейсера не давали туркам отдыха; постоянно осматривали все места, прилегающие к ущельям Дарданелл, и прекращены [были] все подвозы в Константинополь морем. В Смирне собралось тогда до полутораста купеческих судов из Египта с хлебом, но они не смели идти далее”⁹.

В течение блокады Дарданелл, продолжавшейся десять месяцев, российская эскадра не испытывала каких-либо проблем со снабжением: она получала все необходимое на близлежащих к проливу островах. Жили на этих островах в основном греки, а управ-

⁷ Блокирование Константинополя эскадрою под начальством г-на контр-адмирала Рикорда. – Записки Ученого комитета Морского штаба Его Императорского величества, ч. VI. СПб., 1830, с. 185.

⁸ *Коллингвуд Кудберт* (1750–1810) – адмирал, соратник Нельсона, командовавший британским флотом в Средиземном море.

⁹ *Мосолов К.* Обзорение действий эскадры под начальством контр-адмирала Рикорда в Средиземном море. – Морской сборник, т. XIX, № 11. СПб., 1855, с. 21–22.

ляли ими турки – наместники Порты. Рикорд сумел установить с ними деловые и даже дружественные отношения, проявив при этом свои недюжинные дипломатические способности. При появлении русских кораблей у Тенедоса правитель его, турецкий паша, послал своих представителей к Рикорду, чтобы выяснить, с какой целью корабли прибыли к острову. Командующий эскадрой ответил, что “мы должны наносить туркам всевозможный вред, как нашим неприятелям, но если паша позволит грекам свободно приезжать на суда нашей эскадры и доставлять воду и свежую провизию, в таком случае никаких военных действий против острова предпринято не будет”. Паша, которого, судя по всему, перспектива сражения с русскими кораблями не вдохновляла, поспешил принять это предложение. Уже на следующий день русские суда были окружены лодками греков, “выехавшими с разными для продажи припасами, как будто в дружественном порту”¹⁰. Однако остров Тенедос в силу недостаточности своих ресурсов не мог обеспечить эскадру всем необходимым. Недостающие припасы адмирал смог найти на острове Тасос, близ побережья Македонии. Рикорд отправился туда на фрегате “Мария” и встретился с правителем острова Хаджи Лемак агой, который согласился исполнять все его требования. В “Историческом журнале 1829 и 1830 годов”, в котором описаны действия Рикорда в период блокады Дарданелл, в том числе и этот эпизод, дается высокая и справедливая оценка проявленной адмиралом еще в Японии способности устанавливать человеческие контакты: “Вот та, свыше немногим данная, тайна привлекать к себе простыми и для других непонятными и невозможными средствами сердца самих врагов своих”¹¹.

В феврале 1829 г. эскадра Рикорда, получив подкрепление, усилила блокаду Дарданелл. Русские крейсера осматривали все места, принадлежавшие к проливу, препятствуя какому-либо подвозу продовольствия в Константинополь. С апреля 1829 г. началось безостановочное и непрерывное движение судов различных наций и с разными целями в сторону Дарданелл. Однако это не приостановило блокаду, но еще более придвинуло ее к проливу.

Разумеется, многие купцы пытались обойти блокаду и провезти в Константинополь обходным путем провиант и оружие, цены на которые в городе ежедневно росли. В качестве такого обходного пути они рассматривали порт Энос (Энез) на побережье Румелии¹², откуда можно было вдоль берегов и по рекам провозить товары в Константинополь. При этом возможность использования этого порта мотивировалась тем, что официально блокада на него не распространялась. В связи с этим в марте 1829 г. Рикорд просил голландского консула в Смирне (Измир) Ван Лекена сообщить всем купцам и консулам, “что начальствующий при блокаде Дарданелл и Константинополя российской эскадрой принял необходимо нужным объявить порт Энос и все прочие гавани до самого залива Контесо в блокаде”¹³. Таким образом, зона блокады распространялась почти на все побережье Македонии. В Лондоне, где внимательно следили за всеми операциями российского адмирала у Дарданелл, предпринятое им расширение блокады вызвало сильное недовольство. В связи с этой реакцией английских правящих кругов на действия Рикорда Нессельроде по поручению Николая II сообщил 20 мая (1 июня) 1829 г. Гейдену, что в зону блокады Дарданелл, помимо самого пролива, входят только “неотделимые от него Саросский и Энейский заливы, включая устье Марицы”¹⁴. Тем самым император, не желая обострения отношений с Великобританией, отменил произведенное Рикордом по собственной инициативе расширение зоны блокады Дарданелл.

Блокада Дарданелл, сочетавшаяся с подобными же действиями Черноморского флота со стороны Босфора, дала свои плоды. Недостаток продовольствия вынудил Пор-

¹⁰ Блокирование Константинополя..., с. 190–191.

¹¹ РГА ВМФ, ф. 315, оп. 2, д. 66, л. 79.

¹² Румелия – в начале XIX в. значительная часть Европейской Турции, включавшая в себя континентальную Грецию.

¹³ РГА ВМФ, ф. 315, оп. 2, д. 66, л. 88. Исторический журнал 1829 и 1830 годов.

¹⁴ Внешняя политика России..., т. XVI, с. 208.

ту ввести нормирование его в столице, но мера эта оказалась малоэффективной. Среди бедных слоев населения, наиболее страдавших от нехватки продуктов и их дороговизны, произошли волнения. Ухудшение положения в столице привело также к активизации группировки в Диване, выступавшей за прекращение военного конфликта с Россией¹⁵. В общем, давление на Константинополь, важной составной частью которого была блокада Дарданелл, облегчило победу России в войне с Турцией. Существенным результатом блокады было и то, что ни один турецкий корабль с войсками и снаряжением не вошел в Эгейское море, что способствовало успешному завершению борьбы Греции за независимость.

В ходе блокады проявились высокие профессиональные качества руководившего ею П.И. Рикорда. По словам историка блокады, опубликовавшего свою статью уже после смерти Рикорда, “сам покойный адмирал до конца дней своих с гордостью вспоминал об этой экспедиции как о труднейшем и удачнейшем из всех его подвигов”¹⁶.

По Адрианопольскому договору от 2(14) сентября 1829 г., завершившему русско-турецкую войну, Порты вынуждена была признать автономию Греции. По Лондонскому протоколу от 3 февраля 1830 г. державы-покровительницы признали независимость Греции, но в сильно урезанных территориальных рамках. Тем же протоколом державы определили форму правления Греции как наследственную монархию. Несмотря на видимое дипломатическое урегулирование греческого вопроса, державы не спешили выводить свои эскадры из греческих вод. Оставался на месте и сухопутный корпус, введенный Францией в августе 1828 г. в Морею.

К долговременному пребыванию в Греции готовились и русские моряки. В мае 1828 г. на небольшом острове Порос, у берегов Пелопоннеса, была учреждена стоянка русской эскадры. На острове было проведено большое строительство, заверщенное в 1829 г. Были сооружены долговременные постройки: главный магазин, хлебный двор, кузница, пристань и даже горячая баня, возведенная в соответствии с русскими привычками¹⁷.

Между тем в составе русской эскадры в Греции произошли серьезные изменения. Все большие корабли постепенно выводились из греческих вод. В связи с этим построенная русскими моряками база на острове Порос была передана греческому правительству. Командующим же оставшимися русскими силами на Средиземном море в январе 1830 г. был назначен контр-адмирал Рикорд.

П.И. Рикорд непосредственно подчинялся начальнику Главного морского штаба князю А.С. Меншикову, но ввиду важного политического характера его миссии он слал свои донесения также вице-канцлеру К.В. Нессельроде и получал от него инструкции. Инструкция от 4(16) января 1830 г. рекомендовала, как вести себя с Каподистрией и с адмиралами союзных держав. Отношения с президентом Греции должны были быть постоянными и конфиденциальными. Адмирал должен был оказывать главе греческого государства самое усердное содействие в случае угрозы для безопасности страны и для ее внутреннего спокойствия. Что же касается отношений с иностранными адмиралами, то они должны были носить “характер примирения и откровенности”¹⁸. Рикорд старался придерживаться этих указаний, хотя выполнение последней рекомендации зависело не только от него.

Сразу же после прибытия в свободную Грецию из-под Дарданелл Рикорд постарался встретиться с Каподистрией и лично ознакомиться с положением в стране. В результате поездки в Пелопоннес он вынес весьма благоприятное впечатление о первых результатах правления Каподистрии: “Я имел случай объехать часть плодоносной Аргонии до Коринфского перешейка и везде слышал благословения, возсылаемые Президенту, которого кроткие поселяне, ныне спокойно земледельческими работами зани-

¹⁵ Шерemet В.И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975, с. 52–53.

¹⁶ Мосолов К. Указ. соч., с. 23.

¹⁷ Полевой В.М. Искусство Греции. Новое время. М., 1975, с. 192–193.

¹⁸ АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 469, 1830, д. 221, л. 42.

мающиеся, называют Барбо Иани, т.е. дядюшка или дедушка Иван. Сделав токмо шаг в Морею, можно удостовериться, что такое граф Каподистрия для Греции!... Да поможет ему Всемогущий Бог, под покровительством трех высоких держав, совершить великое для человечества дело возведением Греции в достоинство европейских наций”¹⁹.

Между тем перед Грецией и ее правителем после завершения войны за независимость встали новые серьезные проблемы. Прежде всего речь идет о судьбе населения некоторых греческих территорий, оставшихся после освободительной войны за бортом греческого государства. В их числе были самые большие греческие острова Крит и Самос. Жители этих островов боролись и проливали кровь за общее дело, но державы оставили их в пределах Османской империи. Рикорд, руководствуясь полученными инструкциями, старался содействовать Каподистрии в облегчении положения греков, оставшихся под властью Порты. Так, в его письме президенту от 8(20) февраля 1831 г. говорилось, что египтяне, под господство которых султан передал Крит, препятствуют, вопреки положениям Лондонского протокола 1830 г., эмиграции критян в Грецию. Рикорд предлагал Каподистрии для осуществления эмиграции направить к острову несколько судов в сопровождении одного из русских бригов, “дабы они приняли на борт тех жителей, коим происки египтан мешали до сих пор обрести безопасность”²⁰.

Со своей стороны Каподистрия сделал все возможное, чтобы облегчить эмиграцию критян в освобожденную Грецию. Однако переселенцы были лишены каких-либо ресурсов и находились в крайней нищете. Обращение Каподистрии к народу с призывом оказать помощь эмигрантам пользы не принесло. Тогда на помощь нищенствующим переселенцам пришел Рикорд. Адмирал провел подписку в пользу беженцев из Крита среди офицеров русской эскадры.

Было собрано 500 испанских талеров²¹, которые Рикорд отослал Каподистрии вместе со своим письмом. В ответном письме президент просил передать благодарность русским офицерам за этот “благодарительный поступок”: “Он увеличивает число добрых дел, совершенных под великодушным покровительством Вашего превосходительства теми, которые дали уже столько доказательств благодетельного участия своего в пользу Греции”²².

Не все обстояло благополучно и с передачей греческому государству территорий, которые по решению держав должны были войти в его состав, но продолжали удерживаться турками. Имеются в виду Атика и большой остров у побережья Румелии Негропонт (Эвбея). Турки не только препятствовали воссоединению этих земель с Грецией, но и продолжали притеснять их жителей. Получив сообщение от Каподистрии о притеснениях, которым турки подвергали население Негропонта, Рикорд послал к острову бриг “Улис”. Адмирал сообщал Меншикову 1(13) ноября 1830 г. о результатах этой экспедиции: “Г-н капитан-лейтенант Кротов донес мне, что присутствие русского военного брига произвело там желаемое действие и что, кажется, турки впредь удержатся от притеснений”²³.

Греков (да и не только греков) волновала судьба Афин – древней столицы их государства, вывод из которой турецких войск сильно затягивался. Союзные адмиралы смогли сами ознакомиться с лежащими тогда в развалинах Афинами, посетив их инкогнито вместе с президентом в январе 1831 г. Греки с нетерпением ожидали возвращения им Афин и начала возрождения вечного города. И это относилось не только к жителям новорожденного греческого государства. Имеются сведения, что в ожидании

¹⁹ См.: Буря и ея действие на фрегат Елисавету под начальством К.Л. Чистякова. – Записки Ученого комитета Морского штаба Его Императорского величества, ч. VI, с. 214–215.

²⁰ Внешняя политика России..., т. XVII, с. 261–262.

²¹ Испанский талер, широко циркулировавший в те годы в Греции, был равен приблизительно пяти рублям ассигнациями.

²² РГА ВМФ, ф. 315, оп. 2, 1830–1831, д. 67, л. 220–221.

²³ Там же, ф. 205, оп. 1, д. 557, л. 18.

этого события многие греческие семейства из Одессы и Таганрога стали переселяться в Грецию²⁴.

Между тем внутривосточная ситуация в Греции к середине 1830-х годов серьезно осложнилась. Против Каподистрии в стране сформировалась оппозиция, которую возглавила региональная элита, недовольная централизаторской политикой президента. Один из очагов ее находился на острове Идра. Судовладельческая олигархия Идры добивалась возмещения военных убытков и приобщения к государственной власти. Опору на континенте она нашла в лице семьи Мавромихалисов, борющейся за сохранение своей полуфеодалной власти на юге Пелопоннеса. О мотивах действий бея Майны (Мани), горной области Пелопоннеса, Рикорд писал 25 июня (7 июля) 1830 г. Нессельроде: “Бей Майны Мавромихалис, поддержанный своей многочисленной семьей, пользующейся большим авторитетом в стране, пытался разжечь мятеж в Маратониси под предлогом всеобщего недовольства против губернатора, которого президент туда назначил, но на самом деле только для того, чтобы попытаться присвоить доходы этой провинции”²⁵.

Своекорыстные интересы верхов оппозиции прикрывались конституционалистскими лозунгами, призывами к созыву Национального собрания. Оппозиционные настроения охватили более широкие слои населения после Июльской революции во Франции, поднявшей новую революционную волну в Европе. На руку оппозиции было и охватившее широкие круги общества недовольство подбором Каподистрией людей для своей администрации. Как заметил Рикорд в донесении Нессельроде от 15(27) июля 1831 г., “народ изливает свое недовольство, негодуя не против президента, а против его братьев и окружения”²⁶. Речь идет здесь о братьях президента Виаросе и Августиносе, получивших важные назначения. В том же донесении Рикорд подробно рассматривает причины создавшейся в стране ситуации и ее последствия для русско-греческих отношений.

Оппозицию поддерживали и поощряли Англия и Франция, недовольные независимым внешнеполитическим курсом Каподистрии. О действиях представителей Англии и Франции, усугублявших ситуацию в стране, Рикорд писал: “Английский и французский резиденты, несмотря на инструкции своих министерств, открыто осуждая членов оппозиции, постоянно адресуя им публичные предупреждения, не прекращают тайно их поддерживать и используют любые средства, чтобы раздуть это пламя раздора”. Обострение внутренней обстановки в стране Рикорд связывал и с недостаточностью мер, которые предпринимал Каподистрия для ее стабилизации. По мнению Рикорда, Каподистрия должен был ответить на брошенный ему вызов решительными контрмерами; вместо этого он использует корабли русской эскадры для устрашения мятежников. В результате, продолжал Рикорд, “наши действия выглядят самочинными и способны лишь вызвать ненависть к российскому имени”.

Такие настроения в Греции действительно появились. В качестве примера адмирал приводил отношение к русским жителям острова Порос, являвшегося прежде базой русского флота, а потом превратившегося в один из очагов мятежа: “Жители Пороса, осыпанные благодеяниями со стороны офицеров нашей эскадры, имеющие теперь школу, построенную за счет этих офицеров, – эти островитяне и выжили-то лишь благодаря нам, чьи дома были построены на наши деньги, чьи больные бесплатно лечились у наших врачей... именно эти люди выказывают себя самыми ярыми нашими врагами, как только наша эскадра покинула их остров”. И Рикорд столкнулся в Греции с тем, с чем его предшественники – русские адмиралы – не сталкивались, хотя и прежде политика России далеко не всегда отвечала политическим стремлениям греков. Тем не менее влияние России в этой единовосточной стране оставалось преобладающим, и антирусских

²⁴ Там же, ф. 315, оп. 2, 1830–1831, д. 67, л. 180–181. Афины были переданы Греции только в апреле 1833 г.

²⁵ АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 469, 1830, д. 221, л. 3. Маратониси – населенный пункт на побережье Лаконии (Южный Пелопоннес).

²⁶ Внешняя политика России..., т. XVII, с. 424.

настроений не наблюдалось. Более того, в России греки видели единственную надежду на свое освобождение. В этом отношении характерно высказывание российского дипломата Д.В. Дашкова, посетившего Пелопоннес накануне революции 1821 г. Он писал в донесении посланнику России в Константинополе Г.А. Строганову: “Хотя [ашему] пр[евосходительству] известна чрезвычайная приверженность всей Греции к России, Вам трудно представить себе, насколько она сильна у несчастных жителей Мореи. Чем большему гнету они подвергаются, тем сильнее они уповают на нашу помощь”²⁷.

Разумеется, причины происшедших изменений в общественных настроениях в Греции были гораздо более глубокими, чем участие российских кораблей в “устрашении” оппозиции. Дело в том, что в Греции за годы революции влияние России значительно упало, а позиции стран Запада весьма усилились. Вначале реакция и России, и западных держав, в частности Великобритании, на Греческую революцию была одинаково враждебной. Однако вскоре Великобритания, руководствуясь практическими соображениями, предприняла благоприятные для революционной Греции шаги: в 1823 г. она признала ее воюющей стороной, а в следующем году ей был предоставлен английский заем. Большой поддержкой для дела греческой свободы стало и филэллинское движение. Сразу после начала революции в Грецию из западных стран, особенно из Англии и Франции, хлынул поток филэллинов – добровольцев, принявших непосредственное участие в освободительной войне. Но при всех происшедших изменениях тяга к России сохранялась у значительной части греческого народа.

Вернемся, однако, к донесению Рикорда от 15(27) июля 1831 г., содержащему достаточно реалистическую оценку тогдашней ситуации в Греции. “Не станем ли мы, в конце концов, – писал в заключение адмирал, – после всевозможных жертв, которых нам стоила Греция, свидетелями нового провала, увенчанного анархией, порождаемой недоброжелательством, слабостью и невежеством?”. Этот пессимистический прогноз оправдался буквально в те же дни.

В ночь на 14(26) июля 1831 г. группа идриотов в количестве 150 человек под командованием А. Миаулиса, морского военачальника, захватила на острове Порос суда греческого флота: фрегат “Эллас” и корветы “Идра” и “Спече”. Целью этой диверсии было присоединить флот к силам мятежников, распространить мятеж на всю Грецию и свергнуть правительство. Однако благодаря решительным действиям Рикорда мятежникам не удалось вывести корабли национального флота из гавани Пороса. Тогда мятежники взорвали эти корабли. Уничтожение греческого флота в Поросе привлекает внимание современной историографии. Некоторые историки считают виновником этого трагического события Рикорда, который, якобы готовя нападение на захваченные Миаулисом корабли, вынудил того взорвать их²⁸. Однако это утверждение необоснованно. Как опубликованные, так и неопубликованные российские архивные документы позволяют воссоздать более достоверную картину событий на Поросе в конце июля 1831 г., приведших к гибели греческого флота²⁹.

После захвата кораблей греческого флота Каподистрия немедленно обратился к командирам союзных эскадр с просьбой содействовать возвращению этих кораблей правительству. Сразу же на этот призыв откликнулся только Рикорд. К этому времени численность российской эскадры в Средиземном море значительно сократилась. В ее состав входили 44-пушечный фрегат “Княгиня Лович” (флагманский корабль), 20-пушечные бриги “Улис” и “Телемак” и люгер “Широкий”³⁰. С этой эскадрой из четырех кораблей адмирал 18(30) июля 1831 г. подошел к Поросу и заблокировал все выходы из

²⁷ Международные отношения 1815–1830 гг. М., 1983, с. 118.

²⁸ Woodhouse С.М. Capodistrias: the Founder of Greek Independence. London, 1973, p. 490; Λούκος Χ. Η αντιολίτευση κατά του Κυβερνήτη Ιω. Καλοδίστρια. Αθήνα, 1988, σ. 338.

²⁹ Внешняя политика России..., т. XVII, с. 464–471; АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 469, 1831, д. 222, л. 23–49.

³⁰ Люгер – одномачтовое парусное судно, вооруженное 10–16 пушками небольшого калибра.

порта, чтобы помешать мятежникам вывести захваченные корабли в море. Через пять дней к нему присоединились английская и французская эскадры. Их командиры Лайонс и Лаланд предложили Рикорду вступить в совместные переговоры с Миаулисом, однако адмирал отказался, считая, что такие переговоры придали бы видимость легитимности действиям мятежников Идры. Тогда английский и французский командиры сами вступили в переговоры с Миаулисом. Как позднее сообщил сам глава мятежников, позиция английского и французского командиров во время этих переговоров была двучленной. Формально они осудили действия идриотов и призвали их покинуть Порос, однако Миаулису они доверительно сообщили, что не применяют силу против оппозиции, и посоветовали мятежникам создать какой-либо временный орган власти, для того чтобы придать их действиям вид законности³¹. В тот же день, 25 июля (6 августа) 1831 г., Лайонс и Лаланд покинули Порос, утверждая, что вопрос мог быть решен мирно только в случае уступок со стороны Каподистрии.

Между тем 27 июля (8 августа) на подступах к Поросу произошло сражение между русскими кораблями и кораблями мятежников. Вызвано оно было агрессивными действиями идриотов. В этот день с Идры к Поросу мятежникам на подкрепление прибыл корвет. Он подошел к проходу Монастырской бухты. На острове этот проход блокировали бриг “Телемак” и люгер “Широкий”. Командир “Телемака” послал к корвету шлюпку с целью предупредить его, что доступ в бухту закрыт. По шлюпке с корвета было сделано несколько ружейных выстрелов. К обстрелу русских кораблей присоединились и захваченный мятежниками на острове форт, и стоявший у форта корвет. Нападение мятежников не осталось безнаказанным. Как говорится в российском описании завязавшегося сражения: «30 июля (11 августа) контр-адмирал Рикорд подал сигнал атаковать мятежников. В самом начале один греческий корвет был взорван и еще один выведен из строя. Эта атака вызвала такой ужас среди идриотов, что большинство членов экипажа фрегата “Эллас”, корвета “Идра”, а также паровых судов, находившихся в поросском порту, разбежались в разные стороны»³². Обе стороны понесли в сражении потери; у русских погибло 6 человек, а 13 – оказались тяжело ранеными.

После этого сражения Рикорд получил сообщение от французского офицера Вайна, прибывшего к Поросу на бриге “Актеон”, чтобы наблюдать за происходящим, что Миаулис собирается уничтожить фрегат “Эллас”, если он подвергнется нападению со стороны русских судов. Но Рикорд не собирался нападать на Миаулиса и давать ему тем самым повод для осуществления столь преступного замысла. Однако помешать его осуществлению не смог. По этому поводу в его донесении Меншикову от 2(14) августа 1831 г. говорилось: «Не желая быть причиной совершения мятежниками столь отчаянного намерения лишить греческое правительство всей почти, можно сказать, морской силы, а довольствуясь тем, что привел его (Миаулиса. – Г.А.) в ничтожное положение, хотел спокойно дожидаться возвращения гг. Лаланда и Лайонса, чтобы при них все кончить. Утром 1-го августа, находясь на молитве, я услышал сильный треск и, выбежав из шханцы, взоры мои поражены были ужасною картиною взрыва на воздух корвета “Идра” и фрегата “Эллас”»³³. В результате греческий флот лишился двух наиболее боеспособных и лучше всего оснащенных судов. Это было тяжелое преступление. Кроме того, произошло беспрецедентное в истории русско-греческих отношений сражение греков с русскими.

Свое глубокое возмущение действиями мятежников выразил командующий греческим флотом К. Канарис. Он писал И. Каподистрии 1(13) августа 1831 г., в половине двенадцатого утра, с Пороса: «Миаулис только что предал огню фрегат “Эллас” и корвет “Идра”. Пусть виновник этого чудовищного варварства будет проклят навек»³⁴.

³¹ Λοῦκος Χ. Ο. π., σ. 333.

³² Внешняя политика России..., т. XVII, с. 464.

³³ АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 469, 1831, д. 222, л. 36.

³⁴ Correspondance du Comte J. Capodistrias, Président de la Grèce, t. IV. Genève – Paris, 1839, p. 343.

Акцию Миаулиса резко осудили и некоторые другие греческие моряки. 24 августа (5 сентября) группа моряков обратилась к Каподистрии с просьбой довести до сведения Николая I их возмущение действиями идриотов, “осмелившихся открыть огонь против благодетелей Греции, русских”³⁵. Сам Каподистрия резко осудил действия идриотов и одобрил ответные меры Рикорда. В письме адмиралу от 19(31) августа 1831 г. он выразил ему “признательность Греции за содействие, которое оказано ей императорской эскадрой”³⁶.

У самого же Рикорда события на Поросе оставили тяжелый осадок не только из-за действий Миаулиса, но и из-за позиции его коллег, фактически поощрявших мятежников. Это поведение командующих английской и французской эскадрами вызвало резкую реакцию Рикорда. В письме, которое он направил им 25 июля (6 августа) 1831 г., содержалось весьма недвусмысленное предупреждение, “что если вы найдете неудобным содействовать мне в усмирении беспорядков, возбужденных в Архипелаге и которые стремятся к ниспровержению правительства, устроенного августейшим вмешательством государей, покровителей Греции, я сочту себя исключенным из союза”³⁷.

Это высказывание Рикорда вызвало недовольство Нессельроде, считавшего, что оно может осложнить отношения России с другими державами – покровительницами Греции. В этой связи Х.А. Ливену, уполномоченному России на Лондонской конференции по греческому вопросу, поручалось “разъяснить” своим коллегам, что высказывание адмирала есть не что иное, как “язык моряка, чьи поступки стоят больше, чем слова”³⁸. В письме же самому Рикорду от 6(18) сентября 1831 г. вице-канцлер настоятельно рекомендовал соблюдать сдержанность во взаимоотношениях с командующими английской и французской эскадрами³⁹. В то же время император одобрил действия русских моряков у Пороса. На докладе Меншикова об этих событиях Николай I написал: “Кажется, А[дмирал] Рикорд исполнил свой долг, а что наши моряки храбро дерутся, то нам не ново”⁴⁰. В декабре 1831 г. Рикорд был произведен в чин вице-адмирала, а российская эскадра в Греции была подкреплена еще тремя кораблями.

После событий на Поросе Рикорд продолжал поддерживать национальное правительство Каподистрии и бороться против идриотов и их союзников. При этом силовым методам он предпочитал переговоры с целью смягчения противоречий между властью и оппозицией. Так, он установил (с согласия Каподистрии) контакты с двумя главными очагами оппозиции: островом Идра и горной областью Майна. Вступить в переговоры с мятежниками Идры Рикорд пытался еще до поросских событий. 12(24) мая 1831 г. он с этой целью отправил на остров генерального консула в Морее И.И. Власопуло на фрегате “Елисавета”. Но экспедиция эта не дала каких-либо результатов. Как доносил 1(13) июня Рикорд Меншикову, его представитель, “употребя все средства убеждения, не мог склонить старшин сего острова к покорности греческому правительству и они остаются в том неповиновении”⁴¹.

Более успешными были контакты, которые осуществил сам Рикорд с Петробеем Мавромихалисом, вождем майнотов. 22 сентября (4 октября) 1831 г. он пригласил Петробея, находившегося под арестом в Навплии, на обед на борт своего корабля. По мнению адмирала, глава мятежников Майны был настроен весьма примирительно: “На убеждения мои Петро Бей уверял меня, что все сии беспорядки вскоре кончатся и изъ-

³⁵ Мосолов К. Указ. соч., с. 36.

³⁶ АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 469, 1831, д. 222, л. 23.

³⁷ Палеолог Г., Сивинис М. Указ. соч., т. II, с. 75–76.

³⁸ Внешняя политика России..., т. XVII, с. 469.

³⁹ АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 469, 1831, д. 222, л. 15–17.

⁴⁰ Мосолов К. Указ. соч., с. 34.

⁴¹ РГА ВМФ, ф. 205, оп. 1, д. 557, л. 45. Несмотря на секретный характер миссии И.И. Власопуло, о ней стало известно французскому резиденту в Греции А. Руэну. Согласно его сведениям, в ходе этой миссии идриотам были сделаны от имени И. Каподистрии более выгодные, чем прежде, предложения для урегулирования их претензий к правительству. – *Λοῖκος* X. Ο. π., σ. 317.

являл большое желание покориться законному правительству”. Со своей стороны, писал Рикорд, “президент намерен был непременно оказать ему милость и отпустить в свое отечество. Сие средство ему казалось надежнейшим к возстановлению спокойствия в Майне”. Была достигнута договоренность о встрече предводителя мятежных горцев с президентом Греции: она была намечена на 26 сентября (8 октября) 1831 г. Встреча эта, к организации которой Рикорд приложил большие усилия, если бы она состоялась, могла бы спасти жизнь президенту. Но в последний момент Каподистрия отменил ее, как утверждают, из-за раздражения, которое вызвала у него полученная в тот день с утренней почтой английская газета с грубыми нападками на него и на Грецию. А на следующий день, 27 сентября (9 октября) 1831 г., президент был злодейски убит сыном и братом Петробея.

Рикорд тяжело переживал гибель этого выдающегося государственного деятеля, с которым его связывали дружеские отношения. В донесении Нессельроде от 8(20) октября он писал о том неподдельном горе, которое вызвала эта весть в сердцах греков: “Убийство президента погрузило Грецию в глубокий траур. Нация чувствует большую потерю, которую она понесла, и слезы, проливаемые греками, являются настолько же доказательствами, опровергающими утверждения о непопулярности графа Каподистрии и о ненависти, которую к нему испытывали”⁴².

Гибель Каподистрии была не только большой человеческой трагедией. Она во многом определила те бедствия и тяготы, которые Греция испытала после убийства президента. Если бы не это трагическое событие, то в Греции, весьма вероятно, произошла бы мирная передача власти новому правителю, уже намеченному державами-покровительницами: баварскому принцу Оттону. В действительности же период от убийства Каподистрии до прибытия в страну баварского короля (октябрь 1831 г. – январь 1833 г.) стал для греческого народа периодом тяжелейших испытаний.

Н. Драгумис, видный политик того времени, ярко описал в воспоминаниях ту пору смуты: “Та мешанина страстей, раздоров, бунтов, отмщений, междоусобиц, незаконных властей, еще более незаконных собраний, иностранного вмешательства, покушений на национальное достоинство, упадка общественных и частных правов, лишения народа его прав, расхищения государственного имущества – в общем, весь этот беспорядок после смерти Президента, скажу вам, был таким, какого Греция никогда, даже при самых тяжелых обстоятельствах, не видела до этого”⁴³.

Правда, попытки сохранить политическую стабильность в стране предпринимались и в этот период. Такой попыткой был созыв 5-го Национального собрания 5(17) декабря 1831 г. в Аргосе. Собрание избрало брата Иоанна Каподистрии Августиноса сначала председателем греческого правительства, а затем временным президентом Греции. Российское правительство признало передачу власти А. Каподистрии и обещало новому главе Греции всяческую поддержку.

Хотя формально Англия и Франция также установили отношения с А. Каподистрией, но фактически они все более неприкрыто поддерживали мятежников Идры. Нессельроде писал 22 декабря 1831 г. (3 января 1832 г.) послу в Лондоне Ливену о позиции дипломатических представителей этих держав в Греции: “Резиденты Франции и Англии упорно продолжают оказывать покровительство зачинщикам мятежа на Идре и в то же время используют любую возможность, чтобы очернить и дискредитировать деятелей и действия администрации, пришедшей на смену той, которую возглавлял покойный президент”⁴⁴. Здесь следует добавить, что командующие эскадрами Англии и Франции были еще более яркими защитниками мятежников Идры, чем резиденты. Под их давлением Рикорд должен был отказаться от блокады бунтующего острова. Но он не подписал предложенную ему декларацию, разрешавшую судам идриотов выходить в

⁴² АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 469, 1831, д. 222, л. 97.

⁴³ *Vacalopoulos A. Histoire de la Grèce moderne. Saint-Just-la-Pendue, 1975, p. 130–131.*

⁴⁴ Внешняя политика России..., т. XVII, с. 645.

море без документов, выданных им греческим правительством, и сохранил тем самым за собой право такие суда задерживать⁴⁵.

Взвешенная позиция Рикорда в политической борьбе, его уважение к памяти Каподистрии снискали ему большой авторитет в греческом политическом мире. Это нашло отражение в решении 5-го Национального собрания от 4(16) марта 1832 г. предоставить адмиралу греческое гражданство. В решении говорилось: “Г[осподин] адмирал, чувства благосклонности, которые В[аше] П[ревосходительство] постоянно питали к Греции, и отличные и полезные услуги, оказанные Вами ей... снискали Вам, г[осподин] адмирал, признательность означенного собрания, которое для того, чтобы показать Вам, как оно умеет ценить Вашу благородную деятельность, желает считать Вас в числе граждан Греции”⁴⁶.

15(27) марта 1832 г. собрание в Аргосе прекратило свою деятельность, а вскоре на политической сцене Греции снова произошла большая перемена. Правление временного правителя Греции А. Каподистрии оказалось действительно временным, оно продолжалось лишь две недели: не будучи в состоянии утвердить свою власть, в ночь на 31 марта (12 апреля) 1832 г. он покинул Навплию и отправился на свою родину Керкиру (Корфу). Среди немногих лиц, которые знали о его отъезде, был Рикорд. Он предоставил в распоряжение А. Каподистрии бриг “Парис”, на котором тот вывез прах своего брата и перезахоронил его на Керкире. Так российский адмирал отдал долг памяти первому президенту Греции.

В начале марта 1832 г. в Греции стало известно об избрании державами баварского принца Оттона греческим королем. Однако политическая нестабильность в стране не только сохранилась, но и усилилась. В этой нестабильной ситуации возросло влияние находившихся в стране представителей держав-покровительниц и особенно влияние командующих их эскадрами. Греческий политический мир разделился в соответствии с его внешнеполитической ориентацией, на “английскую”, “российскую” и “французскую” “партии”. Сенат – единственный легальный орган, признанный державами, – предпринимал попытки создать в стране какое-то подобие центрального управления. Он создавал одну за другой административные комиссии – то из пяти, то из семи, то из трех членов, – но все они были одинаково неработоспособны из-за разногласий их участников, принадлежавших к разным партиям. Причиной паралича в деятельности этих комиссий было также и полное отсутствие средств в государственной казне. Поэтому 5-е Национальное собрание обратилось к резидентам и адмиралам держав-покровительниц с просьбой предоставить Греции заем в счет будущих субсидий, которые они ждали от держав. Рикорд был единственным из представителей держав, кто откликнулся на эту просьбу. Он решил выделить в качестве займа из средств, выделенных на содержание эскадры, 10 тыс. испанских талеров⁴⁷.

В условиях острой политической борьбы между различными группировками их руководители обращались за помощью к представителям держав, чьи военные силы находились в Греции. Помощь эта оказывалась, что, разумеется, было вмешательством во внутренние дела Греции. Обвинения такого рода в некоторых исторических трудах содержатся и в отношении Рикорда. Так, Драгумис характеризовал российского адмирала как “одаренного человека”, “честолюбивого, смелого, в высшей степени деятельного, сверх необходимости вмешавшегося в дела Греции”⁴⁸. Вмешательство Рикорда в дела Греции, в пределах необходимого или сверх того, действительно имело место. Это произошло в условиях, когда другие державы тройственного союза весьма активно поддерживали свои “партии” в Греции. Особенно этот относится к Франции. У этой державы в Греции находились не только военные корабли, но и сухопутные войска. Французский контингент был введен в августе 1828 г. в Пелопоннес для ускорения вы-

⁴⁵ Там же, с. 646.

⁴⁶ Палеолог Г., Сивинис М. Указ. соч., приложения, с. 212.

⁴⁷ АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 469, 1832, д. 238, л. 63.

⁴⁸ Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Αθήναι, 1975, σ. 575.

вода оттуда армии Ибрагим-паши. Хотя египетский полководец и его армия в сентябре того же года покинули Пелопоннес, французы не спешили выводить собственные силы с греческой территории. Более того, французское военное присутствие в Греции было значительно расширено. К концу 1832 г. французы взяли под свой контроль ряд пунктов в стране, в том числе Навплию. Французские военные активно поддерживали “французскую партию” в Греции и преследовали сторонников “русской партии”, состоявшей главным образом из приверженцев Каподистрии.

Рикорд в донесении Нессельроде писал 21 июня (3 июля) 1832 г. о начавшейся в апреле деятельности семичленной административной комиссии, где преобладали приверженцы Запада: “Административная комиссия, которая возвела в принцип увольнение всех служащих прежнего правительства, не перестает проводить против них все виды репрессий. Никто не защищен от преследований правительства, и вожди румелиотов служат для него орудием, для того чтобы подвергать оскорблениям и притеснениям всех тех, кто остался до последнего дня верен своей присяге”. Одной из многочисленных жертв этих репрессий стал полковник Д. Каллергис, который при правлении И. Каподистрии командовал корпусом регулярной кавалерии и пользовался особой благосклонностью президента. Чтобы избавить его от преследований, Рикорд дал ему возможность покинуть Навплию и ожидать прибытия баварского короля в более безопасном месте⁴⁹.

Рикорд поддерживал и защищал и других сподвижников И. Каподистрии; среди них был и один русский. Как уже говорилось, много филэллинов-добровольцев из разных стран Европы и США приняли непосредственное участие в вооруженной борьбе греков за освобождение. Из русских филэллинов долгое время в литературе фигурировало только одно имя – Н.А. Райко. Новейшие изыскания в российских и греческих архивах позволили значительно пополнить список русских филэллинов⁵⁰. Но, действительно, только Райко смог занять выдающееся место на греческой военной службе при правлении И. Каподистрии. После убийства президента Райко решил добиваться разрешения на возвращение в Россию, и Рикорд оказал ему поддержку в этом деле. “Г-н Райко, – писал он 8(20) октября 1831 г. Нессельроде, – русский дворянин, бывший поручик гвардейского драгунского полка, а в настоящее время подполковник греческой службы, главный начальник артиллерии и директор Центральной военной школы в Навплии, просит разрешения вернуться в Россию. Г-н Райко пользовался безграничным доверием и большим уважением Президента и больше того, осмелюсь это сказать, его особой дружбой”. Адмирал просил вице-канцлера вмешаться в дело на стороне Райко, что, по его словам, “было бы актом справедливости в отношении человека, который столь справедливо пользуется в Греции наилучшей репутацией”⁵¹.

В условиях, когда после смерти Каподистрии в Греции царили беззаконие и произвол, Рикорд пытался защитить ее граждан от насилий и грабежей. Ввиду того, что население Навплии страдало от бесчинств необузданной солдатни, Рикорд обратился к своим английскому и французскому коллегам с предложением ввести в город объединенный контингент для поддержания порядка, но получил отказ. Тогда командующий российской эскадрой решил действовать самостоятельно и высадил 100 человек для охраны наиболее важных пунктов в городе. Как он писал 7(19) апреля 1832 г. Нессельроде, “несмотря на небольшое число матросов, находившихся к настоящему моменту в моем распоряжении, эта мера, осуществленная с тем неустанным рвением, которое отличает русского солдата, имела полный успех. Гражданская гвардия была сформирована горожанами, и попытки нарушения порядка, провоцируемые мятежниками и

⁴⁹ АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 469, 1832, д. 238, л. 85–86.

⁵⁰ См.: *Ари Г.Л.* Греческая революция 1821–1829 гг.: люди и события. – Россия и Греция: история и современность. М., 2008, с. 33–34.

⁵¹ АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 469, 1831, д. 222, л. 104. Николай I разрешил Н.А. Райко вернуться в Россию, и тот прибыл в Одессу в середине 1832 г. См.: *Достян И.С.* Русский участник греческой революции. – Вопросы истории, 1978, № 4, с. 214.

их агентами, были пресечены в результате присутствия и проявления вооруженной силы”⁵². Но появление русских солдат на улицах Навплии вызвало неприязненную реакцию союзных адмиралов, по требованию которых Рикорд должен был вскоре солдат оттуда вывести. Как он сообщал Нессельроде 15(27) апреля 1832 г., численность российского контингента была уменьшена до 20 человек и функция его была ограничена охраной дипломатического представительства России⁵³.

Более успешной была попытка Рикорда спасти остров Спеце от преследований французского адмирала Гюгона. Жители этого острова вызвали гнев адмирала тем, что отказались принять в качестве губернатора Н. Скуфаса, принадлежавшего к “французской партии”. Гюгон обвинил специотов в пиратстве и составил соответствующую декларацию от имени командиров союзных держав. Рикорд подписал эту декларацию, но на условии, что она будет опубликована лишь после того, как офицеры, представители трех держав, посетят Спеце и проверят справедливость выдвинутых против островитян обвинений. Офицеры, посетившие остров, не нашли там каких-либо следов пиратства. В результате, согласно донесению Рикорда от 21 июня (3 июля) 1832 г., “декларация была аннулирована и враждебные планы г-на Гюгона не имели каких-либо последствий”⁵⁴.

Усилия Рикорда по оказанию поддержки “русской партии” осуществлялись в очень непростой обстановке. Она осложнилась в результате прихода к власти в апреле 1832 г. семичленной административной комиссии. При ней в стране усилилась антирусская пропаганда. Жертвой необоснованных обвинений стал и сам Рикорд. В его донесении Нессельроде от 31 июля (12 августа) 1832 г. говорилось: «Новое правительство со времени вступления в свои обязанности не перестает показывать глубокую ненависть ко всему, что является русским. Газета “Минерва” служит ему орудием для того, чтобы распространять ложь, пригодную для удовлетворения его враждебности. Статьи против меня вставлены в этот листок, но я счел невозможным унижить себя до того, чтобы опровергать измышления, абсурдность которых, впрочем, всем здесь известна»⁵⁵.

Рикорд постоянно подвергался нападкам и со стороны командующих английской и французской эскадрами за его сотрудничество с определенными политическими силами Греции. По поручению своего правительства обвинения против Рикорда предъявлял и британский посол в Петербурге У. Хейтсбери. Хотя руководство России и отвергло эти обвинения, но, стремясь не обострять отношения с англо-французским блоком, постоянно призывало адмирала сохранять гармонию в общении с его коллегами. Сам же Рикорд считал нужным поддерживать, нравилось ли это кому-нибудь или нет, “русскую партию” в ее усилиях по прекращению междоусобицы и достижению национального согласия. Это показывает эпизод с приездом в Навплию Т. Колокотрониса.

Колокотронис, выдающийся полководец войны за независимость и военный правитель Пелопоннеса, выступил с инициативой объединить военных представителей Пелопоннеса и Румелии, для того чтобы положить конец гражданской войне и анархии в стране. Кроме того, в канун прибытия в Грецию иностранного правителя с иностранными солдатами греческие предводители стремились зафиксировать наличие в стране национальной военной силы.

Рикорд поддерживал эти стремления. Он принял на своем корабле Колокотрониса, прибывшего в Навплию 26 августа (7 сентября) 1832 г. Узнав о его пребывании на флагманском корабле российской эскадры, английский и французский адмиралы потребовали выдворить из столицы главу “русской партии”, так как он якобы прибыл туда для того, чтобы свергнуть правительство. Но Рикорд отверг это требование. Как он утверждал в своем донесении Нессельроде от 1(13) сентября 1832 г., целью прибытия Коло-

⁵² АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 469, 1832, д. 238, л. 60.

⁵³ Там же, л. 65.

⁵⁴ Там же, л. 88.

⁵⁵ Там же, л. 92.

котрониса в Навплию было положить конец кровопролитию и примирить враждующие партии.

Знаменитый полководец и политик пробыл на борту русского военного корабля четыре дня. За это время у него было много встреч с сенаторами, также он договорился о примирении с большей частью румелиотских вождей. Рикорд, предвидя, что его отношения с Колокотронисом могут вызвать новые нападки на него со стороны представителей Англии и Франции, считал свои действия вполне обоснованными и необходимыми. Но, предполагая возможность упреков в свой адрес из Петербурга, он писал Нессельроде в донесении от 1(13) сентября 1832 г., что, “доставляя средства к восстановлению мира, спокойствия и нормального положения, я не думаю, что я вышел за рамки моих обязанностей и без страха представляю мое поведение на суждение Вашего превосходительства”⁵⁶. В ответ Нессельроде, не давая какой-либо прямой оценки действий адмирала в данном конкретном случае, в очередной раз напомнил ему, насколько важно, “чтобы Вы старались оставаться в соединении с Вашими коллегами и тщательно избегать всякого предмета дискуссий или несогласия с ними”⁵⁷.

Попытки Рикорда содействовать национальному согласию и прекращению междоусобиц эффекта не дали. Более того, французы, действуя в интересах главы “французской партии” И. Коллетгиса, установили свое господство в Навплии и стали притеснять членов Сената, состоявшего в основном из сторонников “русской партии”. В связи с этим сенаторы решили покинуть Навплию и перебраться в более безопасное место. Но осуществить это намерение решились лишь семь сенаторов – меньшинство членов этого органа. В ночь на 28 ноября (10 декабря) 1832 г. они тайно отплыли из Навплии и перебрались на остров Спеце.

Здесь они образovali временное греческое правительство, которому собирались вручить, до прибытия Оттона, кормило правления. Пост председателя временного правительства был предложен Рикорду. По словам автора исторического очерка о греческой войне за независимость, выбор этот объяснялся тем, “что за все время пребывания своего в водах Греции Петр Иванович Рикорд снискал всеобщее расположение греческого народа, любившего его за дознанные всеми чувства живейшей симпатии к греческому народу, его прямоту и твердость характера и за то, что русский адмирал пользовался более всех других искреннейшею дружбою покойного президента графа И. Каподистрии”. Законность этого выбора сенаторы мотивировали тем, что, как уже говорилось, 5-е Национальное собрание предоставило Рикорду право греческого гражданства⁵⁸. Разумеется, избрание адмирала российского императорского флота главой греческого правительства могло иметь лишь символическое значение, и Рикорд отклонил эту честь.

Следует сказать, что в Петербурге не получили сколько-нибудь достоверной информации о столь значительном событии, как бегство части греческого сената из Навплии. Рикорд сообщал, что он противился этому отъезду и направил сенату соответствующее письмо⁵⁹. При этом адмирал не упомянул, что сам переезд сенаторов произошел при помощи российской эскадры. Нессельроде в письме от 31 января (12 февраля) 1833 г. выразил удовлетворение в связи с тем, что Рикорд не был согласен с выездом сената из столицы, но выражал сожаление, что адмирал обратился к сенату сам, а не сделал это через барона П.И. Рикмана, поверенного в делах России в Греции. В подобном случае, продолжал вице-канцлер, это показало бы, что “люди, которые представляют Россию в Греции, действуют всегда на основании тех же самых инструкций и в самом совершенном согласии”⁶⁰. Здесь вице-канцлер весьма прозрачно намекает, что между адмиралом и поверенным в делах отношения были не лучшими. Рикорд никак не мог согласиться

⁵⁶ Там же, л. 113.

⁵⁷ Там же, л. 127.

⁵⁸ *Палеолог Г., Сивинис И.* Указ. соч., т. II, с. 244–245.

⁵⁹ Текст этого письма от 11(23) ноября 1832 г. см.: АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 469, 1833, д. 128, л. 3.

⁶⁰ Там же, л. 53.

с мнением Рикмана о необходимости смягчить свою позицию в сношениях с английскими и французскими резидентами и адмиралами и идти им на уступки. Когда Рикорд получил это письмо, в Греции произошла коренная смена власти.

25 января (6 февраля) 1833 г. в Навплию прибыл на английском фрегате “Мадагаскар” баварский король Греции Оттон. Вскоре после начала баварского правления Николай I решил вернуть русские корабли на родину. В июне 1833 г. российские суда, одно за другим, покидали воды Греции. Через Константинополь вернулся в Россию и вице-адмирал. Рикорд мог покинуть Грецию с высоко поднятой головой: русские моряки под его командованием в 1828–1829 гг. внесли достойный вклад в освобождение Греции. В последующие годы адмирал в трудной борьбе со своими “коллегами” твердо поддерживал национальные силы Греции, стремившиеся сохранить дружественные русско-греческие отношения.

По возвращении в Россию Рикорд занимал ряд высших должностей в военно-морском флоте. Одновременно он активно занимался научной и общественной деятельностью, был членом Санкт-Петербургской академии наук, Московского университета, ряда научных и технических обществ. В эти мирные годы Рикорд часто делился с друзьями воспоминаниями о своих походах по разным морям и океанам. Воспоминания его о походе на Средиземное море были смешанными. Как уже говорилось, адмирал до конца своих дней с гордостью вспоминал об осуществленной им зимней блокаде Дарданелл. В то же время, по сообщению его биографа, общавшегося с адмиралом в последние годы его жизни, из Греции “вынес он, вместе со славой, тяжелые воспоминания о смерти Каподистрии и о кознях начальников английской и французской эскадр, которые тайне действовали против Рикорда и несчастного президента Греции”⁶¹.

П.И. Рикорд скончался 16(28) февраля 1855 г. в возрасте 78 лет. Смерть настигла его на боевом посту: после начала Крымской войны он был назначен командующим эскадрой, которая должна была защищать Кронштадт от вошедшего в Балтийское море английского флота.

О человеческих качествах и достоинствах выдающегося российского адмирала известный журналист Н.И. Греч писал: “Природа одарила его умом ясным, пронизательным и твердым. Он умел найтись в самых затруднительных обстоятельствах жизни и службы; ясно понимал свое положение и средства, и действовал по избранному пути неуклонно, безостановочно, внимая только голосу долга и чести”⁶².

Пять лет, проведенных этим выдающимся мореплавателем и доблестным военным моряком в Греции, представляют важную страницу в истории традиционных русско-греческих связей. Эта “греческая” страница в биографии Рикорда заслуживает дальнейшего изучения, основанного на привлечении новых источников, в особенности архивных.

⁶¹ Мельницкий В. Адмирал Петр Иванович Рикорд и его современники. СПб., 1856, с. 220.

⁶² Греч Н. Указ. соч., с. 16.